

А.И. БОРОЗНЯК

“ПОНИМАТЬ РОССИЮ БЕЗ ПРЕДУБЕЖДЕНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА”.

О переписке Л.З. Копелева и Генриха Бёлля

Имена выдающихся представителей европейской интеллигенции XX в. Льва Зиновьевича Копелева (1912–1997) и Генриха Бёлля (1917–1985) давно уже стали символом диалога российской и немецкой культур, знаком их взаимопонимания и взаимобогащения. Несколько лет назад в ФРГ был выпущен внушительный (751 стр.) том переписки Г. Бёлля и Л.З. Копелева¹. Завершен многолетний проект германского общественного фонда Г. Бёлля. Сотрудница фонда Э. Цюлла осуществила кропотливую работу – поиск подлинников писем в архивохранилищах России и Германии (Российском государственном архиве литературы и искусства, Архиве Восточноевропейского исследовательского центра Бременского университета, Архиве Г. Бёлля городской библиотеки Кёльна). Цюлле была оказана значимая поддержка со стороны М.Н. Орловой, приёмной дочери Л.З. Копелева, а также Рене Бёлля – сына Генриха Бёлля. В корпус переписки, охватывающей 1962–1982 гг., входят 240 документов. Тщательно составленный комментарий занимает около трети объёма книги².

Обмен письмами начался через два месяца после первой поездки Бёлля в Советский Союз в сентябре 1962 г., когда он познакомился и подружился с Копелевым. Потом Бёлль приезжал в СССР в 1965, 1967, 1968, 1972 гг., а последний раз – в 1979 г. Письма, написанные по-немецки, адресовались, как правило, не только Бёллю и Копелеву³, но и их супругам – Аннемари Бёлль и Раисе Орловой.

Личные по своей сути, никак не предназначенные для публикации письма, наряду с подробностями домашнего бытия, погружают нас в пространство советской общественно-политической и литературной жизни периода “оттепели” и “новых заморозков”. Письма добавляют новые черты к истории как правозащитного движения в СССР, так и акций властей, направленных против этого движения.

Тематический охват корреспонденции огромен. Но можно четко выделить сквозной сюжет – отражение в переписке проблем российской истории и российской культуры, что и является темой данной статьи. По мере необходимости автор статьи выходит за рамки эпистолярного свода, обращаясь к статьям и книгам Бёлля и Копелева.

Часть писем и открыток были получены посредством обычной международной почты. Но систематическая откровенная переписка с заграницей по почте была в СССР невозможна. “Настоящего разговора между интеллектуалами Востока и Запада еще не

Борозняк Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета.

Автор выражает признательность Марии Николаевне Орловой (Москва) за помощь в подготовке статьи.

¹ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel. Göttingen, 2012.

² Об истории публикации см.: Цюлла Э. Переписка Генриха Бёлля и Льва Копелева. – Альманах германской истории, вып. 1. М., 2013, с. 159–165.

³ Письма начинались дружескими обращениями “Lieber Hein” – “Дорогой Хайн” (уменьшительная форма имени Генрих) и “Lieber Ljowa” – “Дорогой Лёва”.

состоялось ни разу”⁴, – с горечью констатировал Бёлль. Послания передавались, как правило, через доверенных людей: “почтовыми голубями” были западногерманские журналисты К. Беднарц и Ф. Пляйтген. С их помощью возникла возможность вести прямое обсуждение тем, интересующих Бёлля и Копелева⁵.

“ЭТО БЫЛА ДРУЖБА С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА”

Бёллю по праву принадлежала слава знаменитого писателя. В 1971 г. его избрали президентом Международного ПЕН-клуба; через год ему была присуждена Нобелевская премия по литературе. Пафос сочинений Бёлля – убеждённого гуманиста, пацифиста католического вероисповедания – был направлен на утверждение человеческого достоинства и социальной справедливости, на извлечение уроков из истории Германии XX в. В 1950–1960-е годы в СССР было опубликовано более 80 произведений Бёлля, их тиражи были значительно выше тиражей на родине писателя⁶.

Позднее Копелев так обращался к Бёллю: “Для новейшей истории российской духовной жизни твои книги и твоя личность имеют особое значение... После войны многие люди были настроены по отношению к немцам враждебно... Но теперь горькие чувства убавились, чувства злобы потускнели или исчезли. И в этом твоя заслуга, заслуга твоих книг, статей, выступлений, писем, значение которых превзошло значение действий политиков и журналистов”⁷.

Бёлль вспоминал о начале их дружбы с Копелевым: “Я пишу о друге, и это была дружба с первого взгляда, когда мы двадцать лет назад впервые встретились в Москве. Не просто симпатия, но – чувство родства, которое стоит бóльшего, чем биологическое родство... Его знание германской культуры и истории способно пристыдить немалое число образованных немцев”. И далее: “Я открыл в нем Германию, которую я не знал”⁸. Удивительное признание в устах классика немецкой литературы!

В дневнике Р.Д. Орловой содержится запись: “Генрих Бёлль начался для меня не так, как обычно начинались все писатели – чтением. Его книги я услышала. Весной 1955 г. Лев, вернувшийся из лагеря, читал и пересказывал мне множество немецких романов. В памяти сердца остался только Бёлль: “И не сказал ни единого слова”, “Поезд пришел вовремя”, “Где ты был, Адам?”. Еще в таком “фольклорном” переложении я ощутила – мой писатель... Пришел писатель, который говорил со мной, который спрашивал о том, о чем и мне необходимо было спросить. Он помогал понять нечто важное, быть может, самое важное для меня, для моей, для нашей жизни”⁹.

Лев Копелев был человеком, опередившим время. Еще до Великой Отечественной войны он стал авторитетным исследователем германской культуры, защитив кандидатскую диссертацию о творчестве Фридриха Шиллера. Копелев прошёл трудный путь от убеждённого большевика, участвовавшего в насильственной коллективизации на Украине, до майора Красной Армии, признанного мастера военной контрпропаганды¹⁰. В полном объеме Копелев познал непонимание и преследования. Ни минуты не сомневаясь в справедливости Великой Отечественной войны, весной 1945 г. он решительно выступил против бессмысленной жестокости и мародёрства части солдат-победителей на территории Восточной Пруссии. Тогда на Копелева донесли и на 10 лет приговорили к заключению. Обвинение гласило: пропаганда “буржуазного гу-

⁴ Frankfurter Rundschau, 11.X.1975.

⁵ Böll V. Post aus und nach Moskau – Von Moskau an den Rhein. Der Humanist Lew Kopelew in Nordrhein-Westfalen. Nümbrecht, 2008, S. 21–24.

⁶ Bruhn P., Glade H. Heinrich Böll in der Sowjetunion 1952–1979. Berlin, 1980.

⁷ Kopelew L. Laudationes. Göttingen, 1993, S. 23.

⁸ Böll H. Jude, Russe, Emigrant. Über den Freund Lew Kopelew – Tribüne. 1981, № 80, S. 157–159.

⁹ Из личного архива М.Н. Орловой.

¹⁰ Всеволодов В.А. Литературное наследие “черного майора”. – Альманах германской истории, вып. 1, с. 78–88.

манизма” и “сочувствия к противнику”. Часть своего срока он провёл в т.н. “марфинской шарашке”, где подружился с А.И. Солженицыным, который рассказал об этом в романе “В круге первом”. Прообразом Льва Рубина – одного из ведущих персонажей произведения – являлся Копелев, который однако выражал решительное несогласие с тем, какую трактовку в романе получили черты его личности. Но одна из романских характеристик наверняка не вызвала протестов Копелева: “Льва Рубина судьба сплела с Германией и ветвями мира и прутьями войны”¹¹.

Реабилитация Копелева последовала в 1956 г.¹²; о своей жизни он рассказал в мемуарах “И сотворил себе кумира”, “Хранить вечно” и “Утоли моя печали”¹³. Мастерски написанные, предельно откровенные воспоминания, позже переведенные на немецкий и другие языки, принесли ему в Германии заслуженную популярность. После возвращения из ссылки Копелев был восстановлен в КПСС, вступил в Союз писателей СССР, стал преподавателем Московского полиграфического института, научным сотрудником Государственного института искусствознания, опубликовал несколько книг по проблемам германской и мировой литературы.

Казалось, ситуация отныне складывалась благополучно. Но уже в первом письме, направленном Бёллем в Москву (8 мая 1963 г.), содержалось горькое предвидение о неминуемых бедах, которые ждут в будущем и его, и Копелева: “Плохо, что между нами горечь столь многих препятствий и колючая проволока”. Но одновременно Бёлль ободрял своего друга: “То многое, что нас объединяет, куда сильнее привходящих обстоятельств, которые нас разъединяют”¹⁴. Их сдружило стремление к правде, справедливости и милосердию. Чуть ли не в каждом втором письме, отправленном Бёллю, Копелев просит о поддержке – нет, не для себя! – для “узников совести”, для инакомыслящих, для литераторов, чьи произведения не пропускала цензура... И ни одного случая отказа не последовало: Бёлль, используя свой международный авторитет, делал всё, что мог. Он множество раз спрашивал в письмах, адресованных в Москву: “Чем я могу ещё помочь?”.

Испытания не заставили себя ждать. В 1968 г. Копелев был исключён из партии за протест против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию, затем был уволен из исследовательского института и вуза, ему запретили публикации в прессе, отрезали квартирный телефон... Оставались (и то на время) возможности чтения небольших курсов в периферийных университетах и лекционные поездки по линии Всесоюзного общества “Знание”. У Копелева, отнюдь не склонного к жалобам, вырвались в письмах к Бёллю слова: “Мне совсем плохо... Ни читателей, ни слушателей, ни учеников”; “Мои книги изъяты из библиотек, мое имя не может оставаться в библиографических каталогах, как будто я нигде и никогда ничего не публиковал”¹⁵.

В это же самое время в ФРГ происходила настоящая травля Бёлля со стороны праворадикальной прессы и неонацистских группировок, а также некоторых клерикальных изданий. Его обвиняли в подстрекательстве террористов, устраивали обыски в квартире, поджигали дом и автомобиль... Всё это совпало с тяжелой болезнью писателя, перенесшего несколько операций. В такой ситуации Бёлль писал, обращаясь к Копелеву и его жене Раисе Орловой: “Иногда, да и очень часто, только мысль о вас, ваша дружба там, далеко на Востоке Европы, поддерживает мои силы”¹⁶. Копелев, в

¹¹ Солженицын А.И. В круге первом. М., 1986, с. 23. О сложных отношениях двух выдающихся деятелей отечественной культуры см.: Дробкин Я.С. Лев Копелев и Александр Солженицын: спор мировоззрений. – Альманах германской истории, вып. 1, с. 9–77.

¹² Дробкин Я.С. Памяти Льва Копелева (1912–1997). – Новая и новейшая история, 1997, № 6, с. 113–121.

¹³ Копелев Л.З. И сотворил себе кумира. Анн Арбор (США), 1978; его же. Хранить вечно. М., 1990; его же. Утоли моя печали. М., 1991.

¹⁴ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 49.

¹⁵ Ibid., S. 351.

¹⁶ Ibid., S. 156.

свою очередь, ощущал незаменимую поддержку друга: “Я не могу выразить словами, что значит для нас и для наших друзей то, что ты есть”¹⁷.

Конечно, они были разными людьми: Копелев – порой вспыльчивым и экспансивным; Бёлль – сдержанным и медлительным. Было бы неверно умалчивать о спорах, которые велись преимущественно во время их встреч в Москве и отголоски которых нашли отражение в письмах. Уместно в связи с этим привести слова Копелева: “Не всегда и не во всем мы были с тобой согласны. Но и в тех редких случаях, когда твои мнения о каких-либо событиях, людях или книгах не совпадали с моими, наши дискуссии были плодотворными, побуждали к новым мыслям и еще крепче сближали нас”¹⁸.

Примером для Бёлля был Томас Манн, автор формулы “Святая русская литература”. Обращаясь к Копелеву, Бёлль в июле 1968 г. писал о своем увлечении русской классикой: «Я много читал. Всего Достоевского, всего Толстого и всего Пушкина, Лермонтова... Ты видишь, я нахожусь “среди вас”»; в октябре 1980 г. Бёлль вновь признался в любви к русской литературе: “Я много читаю (все дневники Толстого... и вновь Чехова, которого я очень люблю)”¹⁹.

“ПОЧЕМУ МЫ СТРЕЛЯЛИ ДРУГ В ДРУГА?”

Едва ли не важнее литературных привязанностей было то, что и Бёлль, и Копелев прошли – по разные стороны линии фронта – Вторую мировую войну. В сентябре 1962 г. на встречах с писателями и студентами МГУ Бёлля спрашивали об его участии в войне. Руководящие функционеры Союза писателей СССР не хотели таких вопросов. Один из них, согласно дневниковой записи Копелева, сказал: “Господин Бёлль, не надо отвечать, у нас тут не встреча ветеранов. Это бестактный вопрос”. И далее: «Бёлль густо краснеет. “Нет, я буду отвечать... Я был солдатом шесть лет... Я был солдатом той армии, которая напала на Польшу, на Голландию, на Бельгию и на вашу страну. Я как немецкий солдат входил в Киев, в Одессу, в Крым. И я сознаю личную ответственность за все преступления гитлеровского вермахта. Из сознания этой ответственности я и пишу”»²⁰.

Своё отношение к войне Бёлль предельно ясно выразил задолго до визита в Москву – в письмах, направленных жене с Восточного фронта. 21 ноября 1943 г.: “Война отвратительна, беспощадна и бесчеловечна, я просто не могу подобрать подходящие для нее определения”; 5 июня 1944 г.: “Я ненавижу войну, до глубины души ненавижу войну и любое причиненное ею страдание”²¹. В 1950 г. Бёлль опубликовал явно основанный на личных впечатлениях рассказ о расправе вермахта с еврейским населением южнорусского городка. И тогда, и несколько десятилетий спустя в ФРГ геноцид евреев в Третьем рейхе и в оккупированных странах привычно связывали с преступными акциями СС. Но в рассказе Бёлля евреев убивают солдаты вермахта. Герой рассказа “с ужасом осознал, что на нем та же форма, что и на убийцах”²².

Широкий общественный резонанс в ФРГ вызвал телевизионный диалог Генриха Бёлля и Льва Копелева, начатый в 1979 г. в Москве и продолженный в 1981 г. в Германии. Клаус Беднарц, который вел телепередачу, выпустил ее стенографическую запись в виде книги “Почему мы стреляли друг в друга?”. Приведем несколько фрагментов беседы. «Беднарц. “Господин Белль, Вы воевали на фронте с русскими. Повлияло ли это на Ваше представление о России, об этих людях? Изменилось ли оно? Как это отразилось на Вас, – то, что Вы вдруг оказались в окопах против их окопов и в бою с

¹⁷ Ibid., S. 413.

¹⁸ Kopelew L. Laudationes, S. 24.

¹⁹ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 109, 416.

²⁰ Копелев Л., Орлова Р. Мы жили в Москве. 1956–1980. М., 1990, с. 148–149.

²¹ Бёлль Г. Письма с войны. М., 2004, с. 180, 190.

²² Бёлль Г. Собр. соч., в 5 т., т. 1. М., 1989, с. 460–467.

ними?”. Бёлль. “Да, бой — это понятие, о котором можно говорить долго. Будем называть это так: да, я находился там в окопе. А симпатия моя, если это верное слово, — она скорее усилилась”»²³.

Бёлль решительно выступил против настроения большинства немцев, считавших виновниками нацистских преступлений СС и СД, но никак не вермахт: «Я видел очень многих советских пленных, они работали в западной части Германии. Обращались с ними ужасно, и это — самая страшная страница истории германского вермахта. Эти пленные принадлежали не нацистам, ими распоряжался вермахт... Унижение людей, которых считали “недочеловеками”. Все это я наблюдал в 1941, 1942, 1943 гг.»²⁴. События выразили твердое убеждение в том, что для сближения обоих народов необходимо рассказать правду о войне. «Копелев. “Мы должны исходить из объединяющего нас: из осознания общих жертв и общих страданий”. Бёлль. “Я считаю, что у наших стран, у Советского Союза и у Германии, есть все основания для того, чтобы открыть в себе общее, а не то, что может нас разделять. Общее — это немыслимое число жертв, которые понесли обе страны”»²⁵.

Героем романа Бёлля “Групповой портрет с дамой” (1971 г.) стал “недочеловек” — “советский военнопленный, стоящий по нацистской идеологии на предпоследней ступени в их табели о рангах человеческого достоинства”²⁶. Тема страданий советских пленных не давала покоя Бёллю. Его до глубины души взволновало основанное на свидетельских показаниях стихотворение Бориса Слуцкого “Кёльнская яма”:

“Нас было семьдесят тысяч пленных
В большом овраге с крутыми краями.
Лежим безмолвно и дерзновенно.
Мрем с голодухи в Кёльнской яме”²⁷.

12 мая 1970 г., в разгар работы над рукописью романа, Бёлль просил Копелева прислать подстрочный перевод на немецкий язык стихотворения и узнать о фактах, которые стали его основой²⁸. О том, о чем писал Слуцкий, — о муках советских пленных в лагере, охранявшемся солдатами вермахта, рассказывает одна из самых впечатляющих глав книги “Групповой портрет с дамой”. Очевидна внутренняя связь этого фрагмента романа со стихотворением Слуцкого. В ткань повествования Бёлля вмонтированы выдержки из нацистских документов, прямо предписывавших бесчеловечное обращение с советскими гражданами²⁹. Делясь своим впечатлением о романе, Копелев писал Бёллю о присущем автору “естественном чувстве солидарности”, о его “сердечно-интимном отношении” к России³⁰.

В одной из последних прижизненных публикаций — в “Письме моим сыновьям” (март 1985 г.), Бёлль вновь вернулся к трагедии плена: “Вы должны также знать, что смертность в немецких лагерях для советских военнопленных составляла 57,8%, это означает три миллиона триста тысяч мертвых военнопленных... Смертность советских военнопленных во вторую мировую войну была в десять с лишним раз выше, чем в первую... Это было УНИЧТОЖЕНИЕ, главное занятие нацистов”³¹.

Бёлль чрезвычайно высоко оценивал усилия Льва Копелева по преодолению враждебности между немцами и русскими: «Надо хотя бы на минутку представить

²³ Böll H., Kopelew L. Warum haben wir aufeinander geschossen? Bornheim-Merten, 1981, S. 23.

²⁴ Ibid., S. 25.

²⁵ Ibid., 90–91.

²⁶ Бёлль Г. Собр. соч., в 5 т., т. 4. М., 1996, с. 732. В опубликованном посмертно романе Бёлля “Женщины на берегах Рейна” автор вновь возвратился к образу советского офицера.

²⁷ Слуцкий Б. Собр. соч., в 3 т., т. 1. М., 1991, с. 84.

²⁸ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 147–148.

²⁹ Бёлль Г. Собр. соч., т. 4, с. 448–465.

³⁰ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 166, 164.

³¹ Бёлль Г. Собр. соч. в 5 т., т. 5. М., 1996, с. 650–651.

себе, что означало в 1945 г. быть немцем: быть униженным, разбитым и – все же – освобождённым. И в этот исторический момент майор Копелев решается рассказывать немецким военнопленным о немецкой культуре, о Германии, которая существовала вне Гитлера: о Дюрере и Гутенберге, Кранахе и Гольбейне, Гёльдерлине, Гейне и Лютере, Канте и Лейбнице и Гегеле. Это было предъявлено ему в качестве дополнительного пункта обвинения: “прославление буржуазной германской культуры”. Но при этом забывали, что Копелев говорил также о Брехте, Вайле, Вайнерте, Анне Зегерс и Тельмане»³².

“Я ДЫШУ ВОЗДУХОМ ТОЛСТОГО”

Тема войны оказалась для Бёлля неразрывно связанной с памятью о Льве Толстом. В сентябре 1962 г. при посещении Ясной Поляны, Главный хранитель мемориального музея Н.П. Пузин рассказал о разорении имения писателя во время кратковременной немецкой оккупации, о том, что солдаты вермахта, уходя, намеревались сжечь дом Толстого. Запись из дневника Раисы Орловой: “У Бёлля каменеет лицо”³³.

Май 1970 г. стал, по удивительному совпадению, – и для Копелева, и для Бёлля – месяцем Льва Толстого. Одновременно едва ли не день в день Копелев сообщает в Кёльн о своих штудиях в личной библиотеке Толстого в Ясной Поляне, а Бёлль пишет в Москву о работе над послесловием к новому немецкому переводу “Войны и мира”. Еще раньше, летом 1965 г., готовясь к поездке в СССР вместе со своими родными, Бёлль просил непременно включить в план путешествия Ясную Поляну, где он уже был ранее: “Вся семья должна однажды насытиться Толстым!”³⁴.

Подготовка послесловия к великому роману Толстого была для Бёлля делом трудным и увлекательным: «Я вновь глубоко вгрызаюсь в Толстого, в четвёртый раз читаю “Войну и мир”... Как будто бы я в полуботинках и с парой бутербродов в кармане предпринимаю восхождение на Эверест... Статья о Толстом меня радует... Я завидую тому, что у вас есть Толстой, завидую тому, что у вас есть Гоголь и Достоевский!»³⁵. Для понимания России, был убеждён Бёлль, «есть много возможностей познакомиться с этой страной: вся литература России, эти продолжительные прогулки, а одной из них, причем одной из самых важных, и будет “Война и мир”». Послесловие стало сознательной попыткой поиска неразрывной связи между событиями начала XIX в. и современностью. Бёлль напоминал о многозначной исторической параллели: “Кто, читая про год 1812-й, не вспомнил о 1941-м, когда проявилось другое, ещё более глупое бахвальство и непонимание Востока европейским Западом”. “Холодная война”, по убеждению Бёлля, стала плодом “вечного высокомерия Запада”³⁶.

Для Копелева статья Бёлля о Толстом приобрела особое значение. Узнав о ее подготовке, он просил как можно скорее прислать текст. А когда послесловие было получено, Копелев не мог сдержать слов восхищения: “Это Бёлль, Бёлль в высшей, превосходной степени!.. Я не мог себе представить, что возможно узнать нечто принципиально новое и, меньше всего, прочитать это на иностранном языке, – о книге, которую я читал снова и снова, начиная с 12–13 лет... Но ты это сумел”. И в заключение письма: “Спасибо за то, что ты это написал; спасибо за то, что ты так написал”³⁷.

А за несколько месяцев до этого письма Копелев сообщал Бёллю из Ясной Поляны о своей работе над пометами Толстого на книгах немецких авторов. Особый интерес Копелева вызвало отношение русского классика к трудам Гёте, нашедшее, в частности, отражение в дневниковой записи Толстого от 2 июля 1863 г.: “Читаю Гёте, и роятся

³² Frankfurter Allgemeine Zeitung. 17.X.1981.

³³ Копелев Л., Орлова Р. Мы жили в Москве, с. 156.

³⁴ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 145–146.

³⁵ Ibid., S. 145–146.

³⁶ Бёлль Г. Собр. соч., т. 4, с. 701–723.

³⁷ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 157–158.

мысли”³⁸. Но вернемся к письму Копелева из Ясной Поляны: «Отсюда я непременно должен написать вам – из места, где я дышу воздухом Толстого, где в моих руках книги, на страницах которых его пометы карандашом: подчёркивания, точки, крестики или “NB” и “??”. Из-за этих книг я несколько дней назад сюда и приехал. Случайно я узнал, что здесь много немецких книг (Гёте, Шиллер, Лихтенберг³⁹ – ему он особо нравился, Гейне, Ауэрбах⁴⁰, Поленц⁴¹ и другие) с заметками Толстого на полях. Эти книги не изучены и не каталогизированы. Тема “Толстой и Гёте” давно уже крайне занимала меня. Их отношения были особого свойства, и то, что об этом написал Томас Манн, очень разумно, но прежде всего субъективно и гипотетично»⁴².

Гёте, по мнению Копелева, был для Толстого “резкой антитезой”, возбудителем – интеллектуальным и эстетическим. Гёте побуждал Толстого упорно размышлять над самыми главными вопросами бытия. Идея подготовки статьи “Толстой и Гёте” и книги “Толстой и германский дух” увлекала Копелева⁴³. Его разыскания вылились в большое эссе “Лев Толстой в борениях с самим собой”, опубликованное значительно позднее на немецком языке. Вновь и вновь он возвращается к противоречивым толстовским характеристикам творчества и жизненной позиции Гёте: “Диалог Ясная Поляна – Веймар не был ни вызовом духов, ни противостоянием в подземном мире, который разделяет эпохи, страны и поколения. Для Толстого это была борьба с противником, который находился рядом с ним, жил в нём самом, в его собственном непреодолимом стремлении к созиданию, в его мыслях и страданиях”; “Толстой выступал против Гёте, потому что тот был ему близок”. Копелев указывал на “сейсмографическое ощущение истории, которым обладали Гёте и Толстой, Шиллер и Достоевский”, на то, что история XX в. “подтвердила предсказания Толстого и Достоевского, выступивших в роли Кассандры”⁴⁴.

“МИР ДОСТОЕВСКОГО”

В ноябре 1943 г. в письме с Восточного фронта Бёлль назвал Россию “невыразимо огромной и печальной страной, поистине сказочной, понять которую не так легко”. И через два месяца: “Они все вмиг ожили предо мной, глубоко всколыхнув мою душу: Шатов и Ставрогин, Раскольников и братья Карамазовы, ах, все они были тут”⁴⁵. С романами Достоевского Бёлль познакомился в ранней юности. Для него особый смысл приобрели слова русского классика о “невиданном высшем культурном типе” – “типе всемирного боления за всех”⁴⁶.

Основу понимания России Бёлль видел в творчестве Толстого и Достоевского, которых он назвал “двумя великими антиподами русской литературы XIX века”.

³⁸ Толстой Л.Н. Собр. соч., в 22 т., т. 21. М., 1985, с. 249.

³⁹ Г.К. Лихтенберг (1742–1799) – ученый и публицист. Известен афоризмами, опубликованными посмертно.

⁴⁰ Б. Ауэрбах (1812–1882) – автор “Шварцвальдских деревенских рассказов”, ярких картин народной жизни, описаний русско-еврейско-немецкой бытовой и культурной среды. Л.Н. Толстой во время поездки в Германию в 1860–1861 гг. дважды встречался с Ауэрбахом. Особое значение для Толстого имели суждения немецкого писателя о необходимости узнать “снизу”, что народу нужно, а не навязывать ему свое мнение “сверху”. Толстой даже отметил в дневнике, что у него “открылись глаза”.

⁴¹ В. фон Поленц (1861–1903) – романист, поэт, драматург, эссеист. Переписывался с Толстым и считал его одним из главных своих учителей. В 1901 г. Толстой написал предисловие к роману Поленца “Крестьянин”.

⁴² Имеется в виду очерк Т. Манна “Гёте и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма”. – Манн Т. Собр. соч., в 10 т., т. 9. М., 1960, с. 487–606.

⁴³ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 149–152.

⁴⁴ Kopelew L. Der Wind weht, wo er will. Gedanken über Dichter. Hamburg, 1988, S. 91–125.

⁴⁵ Бёлль Г. Письма с войны, с. 178, 183.

⁴⁶ Достоевский Ф.М. Собр. соч., в 12 т., т. 10. М., 1982, с. 279.

“Я решительно отказываюсь – и намерен отказываться и впредь – кого-то из них предпочесть. Я беру их обоих вместе с Пушкиным, Гоголем, Лермонтовым и еще многими другими”⁴⁷.

Бёлль многократно возвращался к этой мысли. В 1972 г., отвечая на анкету о своем отношении к Достоевскому и сравнивая его мир с миром Толстого, он писал: “Разумеется, как прототипы, в основе своей, они различны и противоположны, и всё же они, вне всякого сомнения, русские, они и писали по-русски, выражали русскую натуру. Я считаю, что они дополняют друг друга. Достоевский был тем, чем Толстой всю жизнь хотел стать – человеком, связанным с народом – с народом в русском понимании этого слова. Достоевский происходил из народа, жил с ним, народ был его “материалом” в самом широком, единственно возможном смысле. Толстой искал народ, который для Достоевского был непреложной реальностью. Поскольку я не стою перед необходимостью выбирать между ними – ведь оба они существуют, – я затрудняюсь представить себе, кого бы я выбрал, если бы мне пришлось осуществить этот гипотетический выбор. Пожалуй, сегодня я выбрал бы Достоевского – в другое время, может быть, Толстого. Мне кажется, у каждого человека есть свое – постоянно меняющееся – время Достоевского и время Толстого”⁴⁸.

“Бёлль, – по утверждению Копелева, – не подражает Достоевскому, не повторяет и не продолжает его идей, творческих приемов. Он – большой самобытный немецкий художник XX века, и его мировоззрение и творчество вырастали прежде всего на почве немецкой действительности, немецких культурно-исторических традиций... И среди множества источников и “притоков”, продолжающих постоянно питать широкий поток его мышления и творчества, наследство Достоевского – один из самых значительных, неиссякаемых родников”⁴⁹.

В августе 1966 г. Бёлль известил Копелева о запланированной поездке в Ленинград для работы над совместным с советским телевидением документальным фильмом “Петербург Достоевского”. Писателю хотелось “самому увидеть людей и места действия, составить для себя представления, воплощённые в образе и в слове”. По замыслу Бёлля, это не фильм о Достоевском или о Петербурге, но “попытка показать Петербург как материал для романов и повестей Достоевского, раскрыть взгляд Достоевского на Петербург”⁵⁰.

Дневник Раисы Орловой содержит следующие записи: “2 октября. Генрих говорит о Достоевском, он всё перечитал, будет делать фильм. В этой серии (писатель + город) уже вышли фильмы Лорка – Гранада, Кафка – Прага, Джойс – Дублин... В Ленинграде он пройдёт по всем улицам Достоевского, Раймунд (старший сын Бёлля. – А.Б.) сделает снимки”; «6 октября. Ленинград. Идем с Бёллем по маршруту Раскольникова. Всё произошло на самом деле и вчера... Счастье – пройти с ним этот кусок... Бёлль ещё раз заставляет понять, как живы романы Достоевского. Мы все смотрели на эти дома, на эти дворы, и до нас многие смотрели, но теперь среди нас – художник. Он смотрит особым взглядом, сквозь “магический кристалл”»⁵¹. Следует добавить, что гидом Бёлля был Андрей Достоевский – родной внук великого писателя. Через два с половиной года фильм был готов. Бёлль полагал, что “взгляд Достоевского на Петербург отнюдь не был оптимистическим” и поэтому фильм получился “очень хорошим, но мрачным”⁵².

⁴⁷ Бёлль Г. Собр. соч., т. 4, с. 710, 717.

⁴⁸ Wir und Dostojewskij. Eine Debatte mit H. Böll, S. Lenz, A. Malraux, H.E. Nossak. Hamburg, 1972, S. 63.

⁴⁹ Копелев Л.З. Достоевский в жизни и творчестве Генриха Бёлля. Тезисы сообщения. – Достоевский. Материалы и исследования, т. 17. СПб., 2005, с. 324.

⁵⁰ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 81, 122.

⁵¹ Личный архив М.Н. Орловой; Орлова Р. Генрих Бёлль: путешествие в Петербург Достоевского. – Советский экран, 1966, № 23, с. 20–21.

⁵² Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 122.

К разочарованию Бёлля, отснятый материал был воспринят советской стороной резко отрицательно. Было выставлено требование убрать эпизоды о рабочих у пивных ларьков, удалить кадры с темными и грязными улицами и дворами. Бёлля долго уговаривали, но он решительно отказался пойти на уступки. В СССР фильм так и не был показан.

Советских функционеров конца 1960-х годов возмутили не только эти кадры, но и, разумеется, авторский текст Бёлля, который содержал неприемлемые для официальной идеологии фрагменты: «Тема, которая сегодня представляется модной: отдельный человек и общество, была более ста лет тому назад, когда появился роман “Преступление и наказание”, темой пророка-писателя. Страдания одинокого человека из-за общества и страдания общества из-за одиночки – в этом тематика петербургских романов и рассказов Достоевского... Все его творчество можно бы пометить девизом: действительно только страдание... В его романах нашло выражение всё, что возможно в широких пределах между полюсами глубокой набожности и абсолютного нигилизма. Он, писатель XIX века, предвосхитил все великие темы нашего времени... Он всегда был словно в пути и, как проезжий путник, воспринимал он мгновение и вечность, жизнь и смерть, горечь безнадежности преходящего»⁵³.

“СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!”

В конце 1975 г. Копелев с тяжким недугом слег в больницу. Мучения болезни и память о страданиях прошлых лет пробудили память о “святом докторе Федоре Петровиче”. Фридрих Йозеф Гааз, родившийся в 1780 г. в Бад-Мюнстерайфеле (Рейнская область, Германия) и умерший в 1853 г. в Москве, был искусным лекарем, известным своим бескорыстием.

В качестве главного врача московских тюрем, он делал всё, что мог для улучшения положения заключенных. К нему тянулись люди, в его похоронах (похоронах католика в православной столице!) участвовало больше 20 тыс. человек. Гаазом восхищались разные по своим воззрениям люди – А.И. Герцен и Ф.М. Достоевский. В 1897 г. знаменитый юрист А.Ф. Кони выпустил биографический очерк о Гаазе⁵⁴. До 1917 г. очерк несколько раз переиздавался. Но в Советском Союзе имя Гааза находилось на далекой периферии общественного внимания: милосердие, бывшее смыслом жизни этого глубоко религиозного человека, оказалось у нас не в чести.

20 декабря 1975 г. Копелев писал Бёллю: «Здесь, в лазарете, когда боль отпустила, я много читал, думал о разных вещах – о том, что в повседневной суете остается забытым или незамеченным. И я снова, после долгих лет прочитал историю жизни одного человека, который в моем детстве был примером подлинного человеческого величия... Этот человек был и остается живым убеждающим символом дружбы народов и религиозной толерантности, братства враждующих церквей... Начиная с 30-х гг. имя доброго доктора Гааза у нас не упоминается, и это – безобразная особенность нашего “обостренного” идеологического воспитания и перевоспитания». Но имя Гааза не значилось и в немецких энциклопедических словарях. Копелев обратился к своему другу с настоятельной просьбой: “Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы твой подлинно чудесный земляк был бы удостоен посмертной славы”. В письме содержались предложения о создании в ФРГ фонда Гааза и премии его имени “за самоотверженную действенную помощь страдающим в заключении”⁵⁵.

Это письмо стало для его автора началом интенсивной подготовки книги о Гаазе как символе бескорыстного милосердия. Работа была долгой и трудной. В течение

⁵³ Böll H. Der Lorbeer ist immer noch bitter. Literarische Schriften. München, 1974, S. 29, 31.

⁵⁴ Кони А.Ф. Федор Петрович Гааз. Биографический очерк. СПб., 1897.

⁵⁵ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 302–303.

1978 и 1979 гг. Раиса Орлова сообщала Бёллям о том, что Лев “полностью посвящает себя книге о Гаазе”, “далеко выходя за границы заявленной темы”⁵⁶. В декабре 1980 г. в популярном журнале “Наука и жизнь” была напечатана статья под названием “У Гааза нет отказа”, подписанная именем Булата Окуджавы. Подлинным автором текста был его друг Лев Копелев, который в СССР стал *persona non grata*⁵⁷.

Ф. Пляйтген вспоминал: «Когда я познакомился с Львом Копелевым, он немедленно прочел мне лекцию о земле Северный Рейн-Вестфалия. “Ведь Вы – сосед доктора Фридриха Йозефа Гааза”. Но последовал мой ответ: “Я никогда не слыхал об этом человеке”... В конце своей лекции мой новый знакомый потребовал от меня подготовить репортаж о Гаазе... Для Копелева было чрезвычайно важно добиться того, чтобы в Германии по-настоящему оценили самоотверженные труды Фридриха Йозефа Гааза... И он добился того, чего хотел: Гааз был, наконец, заново открыт своими немецкими земляками»⁵⁸. В августе 1980 г. исполнилось 200 лет со дня рождения Гааза. То, что этот юбилей был отмечен торжественными собраниями и выпуском памятной почтовой марки, стало прямым результатом подготовленной Пляйтгеном телепередачи о “святом докторе” с участием Копелева и статьи Копелева в еженедельнике “Цайт”⁵⁹.

Вскоре после приезда четы Копелевых в Германию, состоявшегося 12 ноября 1980 г., в Бад-Мюнстерайфеле прошли торжества в честь Гааза. Копелевы стали в Бад-Мюнстерайфеле желанными гостями. Благодаря хлопотам Копелева при поддержке бургомистра города в помещении ратуши был установлен бюст Гааза работы известного русского скульптора Н.А. Андреева – точный слепок памятника, находящегося в Москве во дворе бывшей “Полицейской больницы”.

9 февраля 1984 г. в городской ратуше прошла презентация немецкого издания книги о Гаазе (русское издание было осуществлено в Петербурге только в 1993 г.). На презентации присутствовал, несмотря на серьезную болезнь, Бёлль. В апреле 1990 г. в Бад-Мюнстерайфеле был учрежден “Кружок друзей доктора Гааза”, почетным президентом которого стал Копелев⁶⁰. На стене городской ратуши был укреплен бронзовый барельеф Копелева уже после его смерти.

Копелев такими словами завершил немецкое издание биографии Гааза: “Эту книгу я дописывал в городе Бад-Мюнстерайфеле... Я хочу, чтобы о Гаазе знали и помнили не только в России и в Германии... Повторить его подвиг дано лишь немногим. Но каждый человек может воспринять дух деятельного милосердия, олицетворенный в докторе Гаазе и в меру своих сил и способностей следовать его призыву: СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО!”⁶¹.

Бёлль, исполнив просьбу друга, написал предисловие к книге Копелева. Текст, названный “Неизвестный герой”, гласил: “Лев Копелев в доступной форме рассказывает нам о герое-немце, о котором мы не упоминаем, которого мы, пожалуй, даже вытеснили из своей памяти. Не потому ли этот благодетель человечества, о котором молчат энциклопедические словари, не потому ли он забыт, что он был благодетелем всего лишь для русских, даже для русских заключенных?”. В деятельности Гааза, заметил Бёлль, нашло отражение “исконное, чисто русское сочувствие к приговоренным и страждущим, о котором пишет Достоевский и которое было обращено и к жертвам сталинских чисток... Русский народ никогда не становился на сторону палачей. И поэтому не удивительно, что немец доктор Гааз прославлен в России как святой и что сегодня к его

⁵⁶ Ibid., S. 348, 398.

⁵⁷ Окуджава Б.И. “У Гааза нет отказа” – Наука и жизнь, 1980, № 12, с. 130–137.

⁵⁸ Pleitgen F. Ein Russe am Rhein. Im Mikrokosmos von Kultur und Menschenfreundlichkeit. – Von Moskau an den Rhein, S. 9–11.

⁵⁹ Die Zeit, 29.VII.1980.

⁶⁰ Ahrendt A. Lew Kopelew und Bad Münstereifel. – Von Moskau an den Rhein, S. 91–107.

⁶¹ Копелев Л.З. Святой доктор Федор Петрович. М., 2012, с. 213–214. Слова “Спешите делать добро!” высечены на московском памятнике доктору Гаазу.

могиле возлагаются живые цветы... Льву Копелеву, русскому, удалось рассказать нам о немце, которым мы пренебрегли или даже вытеснили из своей памяти”⁶².

И для Копелева, и для Бёлля Гааз был прямым предшественником другого русского праведника – академика А.Д. Сахарова⁶³. Они не раз беседовали (порой и жарко спорили) с Сахаровым в Москве. Имя Сахарова часто встречается в переписке. Бёлль многократно просил Копелева передавать приветы Сахарову.

В мае 1981 г., когда опальному академику Сахарову исполнилось 60 лет, в Мюнхене под редакцией Копелева был опубликован сборник, содержащий приветствия Сахарову⁶⁴. Предисловие было написано Бёллем, который назвал Сахарова “человеком единственным и неповторимым, тем, кто действительно заслуживает почётногo звания человека”. Это “деликатный и одновременно упорный, непреклонный и незлобивый” человек, “гениальный ученый в сфере естественных наук, он открыл права человека как отрасль науки”⁶⁵.

Круг общения Бёлля с деятелями русской культуры был обширен. В переписке мы многократно встречаем имена Анны Ахматовой, Корнея Чуковского, Лидии Чуковской, Константина Паустовского, Ильи Эренбурга, Александра Твардовского, Александра Солженицына, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого, Виктора Некрасова, Булата Окуджавы, Константина Богатырёва, Василия Аксенова, Евгения Евтушенко, Владимира Войновича, скульпторов Вадима Сидура и Эрнста Неизвестного, художников Валентина Полякова и Бориса Биргера.

Особого внимания заслуживают оценки Копелевым и Бёллем романа Василия Гроссмана “Жизнь и судьба”. Их отклики были опубликованы в конце 1984 г., сразу после выхода книги на немецком языке (издания романа в Москве надо было ждать еще пять лет).

Копелев справедливо считал роман Гроссмана крупнейшим литературным и общественным событием: “роман века о катастрофе века – о Второй мировой войне”. Принципиально важным является сопоставление книги с “Войной и миром”, с “принципами исторической прозы Толстого”, как “исторического, социально-политического, философского и, одновременно, семейного романа”, основанного на “неопровержимой правде”. “Эпос Гроссмана проникнут всеохватывающей любовью к России, к ее народу, к ее языку”, и эта любовь “живет и действует во всём, что пластично изображает автор”. В отзыве Копелева содержатся важные суждения о сопоставлении Гроссманом сталинского и гитлеровского политических режимов. Копелев считает, что это – “в высшей степени различные, но принципиально подобные античеловеческие государственные системы”. Он не видит в романе “никакого оправдания нацистского рейха”: фашистская Германия “развязала агрессивную войну и осуществляла её убийственными средствами”, а советский народ вёл “подлинно Отечественную войну”, “героизм простых людей на фронте и в военной промышленности нанёс заслуженное сокрушительное поражение бесчеловечному гитлеровскому рейху”. Вывод Копелева очевиден: «Тот, кто стремится постигнуть трагически-совместное прошлое Германии и Советского Союза, ход и решающие силы Второй мировой войны, понять существо тоталитарных режимов, тот, кто серьёзно относится к пробле-

⁶² Böll H. Die Fähigkeit zu trauern. Schriften und Reden 1984–1985. München, 1988, S. 9–11. В августе 2015 г. по российскому телеканалу “Культура” демонстрировался документальный фильм В.А. Самородова и М.Г. Труш “Выбор доктора Гааза”. В фильме, часть эпизодов которого снята в Бад-Мюнстерайфеле, убедительно показано, как современные жители города чтут память “святого доктора”. Рассказывая об этом, руководитель “Кружка друзей доктора Гааза” А. Арендт подчеркнул: “Значение Гааза для Германии раскрыл русский писатель Копелев”.

⁶³ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 299.

⁶⁴ Für Sacharow. Texte aus Rußland zum 60. Geburtstag am 21. Mai 1981. München, 1981. Книга Л.З. Копелева и Р.Д. Орловой “Мы жили в Кёльне” (М., 2003) открывается посвящением: “Светлой памяти Генриха Бёлля и Андрея Сахарова”.

⁶⁵ Die Zeit, 14.VIII.1981.

мам свободы и мира, должен внимательно и терпеливо читать и перечитывать роман “Жизнь и судьба”»⁶⁶.

Бёлль обращал внимание читателей на этический потенциал романа Гроссмана: “Автор неизменно оказывается там, где его истинное место, – с теми, кто страждет, даже если страждущие – немецкие солдаты”. В центре романа – события битвы на Волге: “Люди вторгаются в самую историю, – и в какой момент! На самом крутом её переломе: под Сталинградом”. И герои романа именно в это время “мечтают не только об освобождении от фашизма, они мечтают о большем – о свободе”⁶⁷.

Генрих и Аннемари Бёлли регулярно направляли чете Копелевых приглашения посетить ФРГ. Копелев исправно ходил по инстанциям, тщетно доказывая, что поездка необходима для научной работы. Всё оказывалось напрасным. Наконец было получено разрешение (это был результат длительных усилий руководителей Социал-демократической партии Германии В. Брандта и Э. Бара⁶⁸), и 12 ноября 1980 г. Копелев и Орлова вылетели из Москвы во Франкфурт-на-Майне, имея обратные билеты на ноябрь 1981 г. Они не знали, что их ждет впереди. Но еще 13 августа 1980 г. под грифом “совершенно секретно” было принято решение политбюро ЦК КПСС: разрешить чете Копелевых выехать за границу, а затем “рассмотреть вопрос о возможном лишении их советского гражданства”. 12 января 1981 г. замысел был реализован.

Но Копелев никогда не помышлял об эмиграции. Об этом свидетельствуют его письма от февраля и июня 1973 г.: “Мне хотелось бы еще раз побывать в Веймаре и впервые увидеть Штутгарт, Франкфурт, Кёльн, Гамбург – всего лишь как путешественнику. Но умереть я хочу здесь... Без Жуковки, без этого спуска к Москва-реке, который вы видели, я не могу представить себе последние годы и месяцы моей жизни”; “Мы не можем представить себя без этой земли, без этого воздуха, наполненного нашим языком, без земли, в которой погребены наши друзья... Мы должны жить и умереть здесь, потому что Родину, так же как собственную мать, невозможно избрать (или сменить)”⁶⁹.

В Германии 80-х и 90-х годов прошлого века Копелев стал широко известной личностью. Его узнавали на улицах. Незнакомые люди с ним здоровались. Одна из немецких газет в 1993 г. писала: «Копелев, как никто другой, воплощает для немцев “лучшую Россию”. Со своей бородой пророка, фигурой патриарха, он, писатель и ученый, является подлинным послом России»⁷⁰. “Копелеву, – констатировал немецкий ученый К. Аймермахер, – удалось совершить чудо, которое большинство его тогдашних немецких друзей считали невозможным... Энтузиаст Копелев был голосом совести, посредником, просветителем в лучшем смысле этого слова, человеком, который надеялся на мирное и разумное будущее. В этой роли он был общепризнанным”⁷¹.

За 17 лет, проведенных в приютившей его Германии, Копелев сделал необычайно много⁷². Но рассказ об этом далеко выходит за рамки статьи. Главным делом жизни Копелева стал, конечно же, Вуппертальский проект, выполненный под его руководством, не имеющий аналогов в мировой историографии монументальный десятилетний труд “Западно-восточные отражения. Немцы о России и русских. Русские о Германии и немцах”⁷³. В статье Копелева по поводу выхода начального тома проекта было ска-

⁶⁶ Kopelew L. Worte werden Brücken. Aufsätze, Vorträge, Gespräche. München, 1989, S. 91–95.

⁶⁷ Die Zeit, 30.XI.1984.

⁶⁸ Bürger M. Лев Копелев и Западная Германия в 1970-е годы. – Альманах германской истории, вып. 1, с. 120.

⁶⁹ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 230, 218.

⁷⁰ Stuttgarter Zeitung, 15.III.1993.

⁷¹ Аймермахер К. Копелев как пример взаимоотношений в области культуры. – Альманах германской истории, вып. 1, с. 110.

⁷² Sonnenberg U. Die Kopelewsche Brücke: Problemaufriss zum öffentlichen Wirken von Lew Kopelew in der Bundesrepublik Deutschland von 1981–1997. Berlin, 2007.

⁷³ Альманах германской истории, вып. 1, с. 139–158.

зано: “Наша задача скромна. Мы хотим познавать и познанное излагать объективно, объяснять для того, чтобы способствовать просвещению. Наша цель проста: пробудить взаимопонимание между людьми и между народами”⁷⁴. Вуппертальский проект отвечает насущным методологическим потребностям осмысления истории. Речь идет о компаративном изучении прошлого, об антропологическом измерении истории, о соотношении локальной и универсальной истории, о роли субъективной реальности, о том, что мы объединяем под именем интеллектуальной истории, истории культуры.

В эпистолярном диалоге Копелева и Бёлля содержится ключ к концепции Вуппертальского проекта. В сентябре 1968 г. Бёлль писал: “Понимать Восток без предубеждений политического характера – вопреки идиотской гитлеровщине”. В мае 1980 г. Копелев возвращался к словам Гёте: “Кто познал самого себя и других, тот признает: Восток и Запад отныне неотделимы”⁷⁵.

Прямым продолжением Вуппертальского проекта стала совместная инициатива российских и немецких ученых “Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти”. Фундаментальное издание, предназначенное для российских и германских учителей истории и учеников старших классов, осуществляется по решению Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. В 2014 г. на немецком и на русском языках опубликован том третий (с него было начато издание), посвященный событиям XX в. Авторами текстов, помещенных в книгу, стали 10 российских и 19 немецких исследователей. Предисловие к книге написано сопредседателями Совместной комиссии академиком А.О. Чубарьяном и профессором Х. Мёллером⁷⁶. Издание получило многочисленные позитивные отклики научной и педагогической общественности обеих стран⁷⁷. В настоящее время идет подготовка первого и второго томов, в которых рассматривается история российско-германских отношений соответственно XVIII и XIX вв. Продолжается, вопреки всем трудностям, деятельность Петербургского диалога политических и культурных деятелей России и Германии. Начатый Копелевым и Бёллем диалог между представителями интеллигенции России и Германии тем более важен сегодня, когда отношения между нашими странами переживают не лучшие времена.

В Кёльне сохраняется память о дружбе Бёлля и Копелева, ставшей символом сближения российской и немецкой культуры. Аллея, которая шла к дому, в котором жил Копелев, называется теперь “Тропа Копелева”. А в трех километрах северо-восточнее, у берега Рейна – “Площадь Генриха Бёлля”.

⁷⁴ Die Zeit, 12.IV.1985.

⁷⁵ Heinrich Böll – Lew Kopelew. Briefwechsel, S. 161, 411.

⁷⁶ Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. Т. 3. XX в. М., 2014; Deutschland – Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte – Orte der Erinnerung. Bd. 3. Das 20. Jahrhundert. München, 2014. На обложке части тиража, отпечатанного по заказу Службы политического образования ФРГ, помещена совместная фотография Копелева и Бёлля.

⁷⁷ Тимофеева Т.Ю. Россия – Германия. Вехи совместной истории в коллективной памяти. – Новая и новейшая история, 2015, № 5.